

Goian I.N., Ph.D., Dean of the Faculty of Philosophy, Carpathian National University Basil Stefanik (Ukraine, Ivano-Frankivsk), dekanat_filosof@pu.if.ua

Boris Yakovenko's Transcendentalism in a discussion context round psychologism. Article second. Critic of the Edmund Husserl's phenomenology

In article the philosophy of transcendental pluralism of Boris Yakovenko as option of extreme anti-psychologism is analyzed. The role of the Russian philosopher in discussion round psychologism in the European philosophy of the beginning of the XX century, in particular, his critic of the hidden psychologism in Edmund Husserl's phenomenology reveals.

Keywords: *transcendentalism, psychologism, anti-psychologism, phenomenology, intentionalism, Borys Yakovenko, Edmund Husserl.*

Гоян І. Н., доктор філософських наук, декан філософського факультета, Прикарпатський національний університет ім. Василя Стефаника (Україна, Івано-Франківськ), dekanat_filosof@pu.if.ua

Трансценденталізм Бориса Яковенко в контексті дискусії вкруг психологізму. Стаття друга. Критика феноменології Едмунда Гуссерля

Анализується філософія трансцендентального плюралізму Бориса Яковенко як варіант крайнього антипсихологізму. Раскрывается роль російського філософа в дискусії вкруг психологізму в європейській філософії початку ХХ в., в частині, його критика прихованого психологізму в феноменології Едмунда Гуссерля.

Ключевые слова: *трансценденталізм, психологізм, антипсихологізм, феноменологія, інтенціоналізм, Б. Яковенко, Е. Гуссерль.*

* * *

УДК 7211.01-Естетика

Мамедов Д. О.
аспірант, Інститут Філософії і Права Національної Академії Наук Азербайджана (Азербайджан, Баку), ja1az@yahoo.com

О ТЕОРИИ ТРАГЕДИЙНОСТИ В ВОЗЗРЕНИЯХ ГЕГЕЛЯ

Основываясь на воззрения немецкого философа Гегеля, исследована одна из актуальных проблем философии – теория трагедийности. Ссылаясь на лекции видного ученого, а также философские исследования, сопоставительно изучены эстетика трагедийности, природа, цели и поведение трагического героя, жанр драмы, влияние его на человеческий разум, драма примирения и др. вопросы.

Ключевые слова: *Гегель, трагедия, греческий мир, философия, драма, эстетика.*

(стаття друкується мовою оригіналу)

В философской науке теория трагедийности как основная эстетическая категория была разработана многими исследователями прошлого [1] и современного [2] столетий.

При изучении теории трагедийности, особо актуальным является труд М. У. Роче, в котором широко отражены воззрения немецкого философа Гегеля (1770-1831).

Трагедия возникает, по Гегелю, в случае мужественного утверждения героем справедливой позиции, но при этом одновременного нарушения также справедливой позиции, в результате становясь жертвой последний, он в то же время ощущает чувство вины.

В пятой главе феноменологии Гегеля обсужден характер этического действия и вины путем анализа Софокла Антигона. В своем предисловии к лекции по философии истории Гегель анализирует всемирно-историческое лицо, которое формирует историю. В своих лекциях по истории философии Гегеля предлагает увлекательный портрет Сократа в свете трагической диалектики. Кроме того, в своих лекциях по философии религии Гегеля затрагивает трагедию в греческом мире.

Трагедийность наиболее заметна в лекции Гегеля по эстетике, которая является одним из его самых доступных текстов. Гегель читал лекции по эстетике в Гейдельберге в 1818 году и в Берлине в 1820/21, 1823, 1826, и 1828/29 гг.

В заключениях своих лекций Гегель обсуждает драму и посвящает большую часть своего внимания трагедии. В данных размышлениях представлена наиболее зрелая и расширенная дискуссия Гегеля о трагедии. Для Гегеля трагедия является конфликтом двух основных позиций, каждая из которых оправдана по-своему; конфликт может быть решен только с падением героя.

Сущность трагедии состоит тогда в том, что в течение такого конфликта каждый из противоположных сторон, имеет основание, а с другой стороны каждый может установить истинное и положительное содержание собственной цели и характера. Следовательно, и из-за этого, каждый из них является виновным.

Гегелевская трагедия является неизбежным следствием абсолютного, реализуя себя в истории. В ходе истории, односторонние позиции содержат в себе свои собственные ограничения [3, p. 12]. Эти позиции приводят к конфликтам, которые решены в каждом случае трансцендентности (или смерти). Именно трагедии столкновения часто возникают во время парадигмы, Гегель настроен на исторических конфликтах, кризисах и переходах. Гегель задает зрителям вопрос: Какие ценности вступают в конфликт? Какие позиции коренятся в прошлом, и которые являются предвестниками будущего? Каким образом отдельные символы олицетворяют конфликтующие пряди истории? В какой степени силы за пределами намерений и страстей, формируют события по мере их развития?

Историческая драма Гегеля была разработана под влиянием немецкого драматурга XIX века Фридриха Хеббеля (1813-1863), пытающегося раскрыть конфликт ценностей. Многие трагические герои выступают за истину; после умерщвления героя ситуация меняется. Этот новый принцип находится в противоречии с предыдущим, появляется как разрушительный; появляются герои, нарушающие законы. Индивидуально, они побеждены; однако этот принцип сохраняется, в другой форме и сохраняет настоящее [3, p. 13]. Трагический герой действует и за и против добра, его природа как бы парадоксальна ситуации, в которой она находит себя.

Герой – невиновен, поскольку он придерживается справедливого принципа; он виновен, поскольку нарушает добро и волю, чтобы идентифицировать себя. Вина предполагает действие, из-за которого герой отвечает; в результате, герой стремится на сочувствие или жалость. В этом духе Гегель предлагает парадоксальную формулировку: «Это честь великих персонажей, чтобы быть виновными» [3, p. 14].

Большинство толкователей трагедии, начиная с Аристотеля, сосредоточили свои взгляды на влиянии трагедии.

Гегель, наряду с Фридрихом Гельдерлином (1770-1843), Фридрихом Шеллингом (1775-1854) и Питером Сонди (1929-1979) избрал другой путь. Он фокусировал свои взгляды на основной структуре трагедии. И все же акцент Гегеля о структуре трагической коллизии, дал ему новую точку зрения на традиционные мотивы стра-

ха и жалости. Гегель, как и Аристотель, утверждает, что аудитория боится не внешней судьбы, а если нарушится этическое вещество, оно обернется против героя [3, р. 14]. Гегель интерпретирует жалость как сочувствие не только с многострадальностью героя, но и как страдалец, который, несмотря на падения, в некотором смысле оправдан. По Гегелю, мы сочувствуем трагическому герою, который, несмотря на то, что преступил абсолютное, в некотором смысле отстаивает его.

Таким образом, гегелевская трагедия имеет эмоциональный элемент: мы разрываемся между ценностями и судьбой каждой позиции; мы отождествляем себя с действием персонажа, но смысл неизбежности власти абсолютная, которая разрушает односторонность героя.

Трагический герой, отказываясь признавать законность другой позиции. Это особенно ясно проявлено в Софокле Антигона, который Гегель называет самым красивым из всех трагедий [3, р. 15]. По Гегелю, действие каждого героя, в конечном счете ведет к саморазрушению. Антигон не только член семьи, он также член государства. Согласно Гегелю если бы трагические герои были верны своей природе, они были бы в чести [3, р. 15]. В дополнение к диалектике позиций, Гегель отмечает, что Креонт и Антигона одинаково упрямы и тверды; как они не в состоянии признать законный конфликт, и каждый из них, целеустремлен, как и другие.

Гегель не только видит значение каждой стороны, он утверждает, что трагические герои охватывают противоречивые позиции, которые «одинаково оправданы» [3, р. 15]. Гегель не может быть прав, когда говорит, что все трагические коллизии содержат полюса равной ценности. Согласно философу, в лучших трагедиях конфликт равен. В работах, где конфликт является неравным, трагическая интенсивность имеет тенденцию к снижению.

Действительно, гегелевская столкновение двух взглядов, в принципе, резко обогащенных формой трагедии. Даже Артур Шопенгауэр (1788-1860), разработывает концепцию трагедии в мире, как воля и представление, он далек от примирительного внимания Гегеля, который формирует трагедию, как столкновение взглядов. Элементы трагического столкновения отражены в работах Эврипида Вакханкаха, Вальдштейна Шиллера и др.

Гегель также обсуждает возможность трагического столкновения в сознании человека. Внутреннее столкновение такого рода может стать менее драматичным, внутренние столкновение, как правило, интеллектуально и психологически более дифференцировано. Внутренние столкновения также официально богаты, что приводит к величайшей риторике мировой драматургии, монологов и диалогов. Герой должен пожертвовать его наивной верой из-за справедливого мира – с нарушением хорошего, чтобы сохранить экстраординарно интеллектуальные и эмоциональные последствия.

Опасность, конечно, может возникнуть, если герой станет колебаться между одним полюсом, разрушая свою решимость и единство характера, и эта нерешительность, будет объявлена сущностью искусства. В этом контексте Гегель различает персонажей, которые нерешительны, запутаны и слабы. Две противоположные сферы жизни, вынуждены выровнять себя с одним

в ущерб другому. В этом случае колебания проявляется переходный этап [3, р. 16].

Даже когда трагический герой осознает справедливость конкурирующей позиции, его характер требует согласованности и чувство вины [3, р. 17].

Аристотелем и другими теоретиками XX века были разработаны исторические теории трагедии. Современные критиками были оспорено транс-историческое понятие данного жанра. Гегель предлагая универсальное определение данного жанра, сделал значительный сдвиг в его артикуляции, определил разницу между древней и современной трагедией.

В античной трагедии персонажи полностью идентифицировали себя с основных полномочий и идей, управляющих человеческой жизнью; персонажи действуют «ради существенного характера их конца» [3, р. 17].

В современной трагедии, напротив, мы видим больше внутреннее развитие характера, а также повышение более конкретных проблем: «то, что нажимает для удовлетворения является субъективностью их сердца и ума и конфиденциальностью своего характера» [3, р. 17]. Также сложность современной причинности уменьшает степень, в которой один человек может повлиять на мир. Сложность и непредвиденность обстоятельств играет большую роль в современной трагедии [3, р. 17].

Для Гегеля трагическая судьба рациональна: причина не позволяет людям держаться за одностороннюю позицию. Каждая позиция состоит через отношение к другой, ликвидация одной позиции приводит к разрушению другой.

Абсолютный конец является восстановлением этического вещества. Это единство для Гегеля составляет катарсис трагедии, который как он признает, является приоритетом всей этической жизни и очищает от односторонности. Трагический герой придерживается одностороннего положения, отрицает обоснованность, и, в конце концов, впадает в большой процесс, в который погружается.

Трагическое соблюдение частичной позиции чередуется, доходя к большому рациональному процессу исторического развития. Таким образом, трагедия содержит в себе скрытый момент разрешения и примирения [3, р. 18]. Это возвышение гармонии в трагедии часто подвергалось критике, особенно в современной науке.

Гегелем наряду с трагедией была разработана также драма примирения, заинтересовавшая также ранних гегельянцев – Карла Людвиг Мишле (1801-1893) и Морица Карье (1817-1895). Некоторые противоречия в исследовании Гегеля, возможно, происходят от его неспособности адекватно различать данные два жанра. Несмотря на связь между катарсисом и примирением, между трагедией и драмой примирения существует значительная разница, а именно, имеет ли примирение место в приеме, то есть, в сознании аудитории, или в самом сюжете, то есть, на сцене.

В своих лекциях по философии религии Гегель возвращается к отметке резолюции, в результате чего герои преодолевают односторонность не через смерть, а через сознание и действия [3, р. 18].

К сожалению, Гегель никогда полностью не развивает свое краткое обсуждение о драме примирения. В его анализе существует опасность не в полной мере развития конфликта. Герой, меняя свое положение, может показать отсутствие характера. Такие изменения могут уменьшить решимость и пафос положения героя. Наконец, гармонические резолюции часто оказываются незаработанными [3, p. 19].

Большинство данных пунктов может ослабить драму примирения, но они не принадлежат к ней. Сам Гегель кажется уверен в том, что эти характеристики зависимы или необходимы. Если бы Гегелем были проанализированы драма примирения более полно и подчеркнута ясное различие между ним и трагедией, он, возможно, не было бы основания переоценивать примирительный момент в самой трагедии. В какой-то степени критики, утверждающие, что Гегель чрезмерно идеализирует трагедию и дает недостаточное внимание к моменту неистребимости страдания: жанр не исчерпывает его гармонической резолюции. Трагедия также предполагает неизбежные бедствия и безутешные страдания, получаемые при величии поверхностей в сложном мире. С другой стороны, как многие современные критики и делают, трагедия предлагает нам только разрушение, неуверенность, и мрак, и что любые скрытые видения величия, гармонии, или надежды являются анафемой для трагического духа. Трагедия слишком многогранна для такого приема.

Человек, отождествляющий собственную судьбу с судьбой человечества, которое обречено на конечность своего существования, его пессимистическое настроение заменяется оптимистическим, так как трагедия дает шанс жить.

Список использованных источников

1. Kitto D.F. Greek Tragedy. – London, 1961 [repr. 1981]; Paolucci Anne and Henry. Hegel on Tragedy. – New York: Doubleday, 1962; Hume D. Of Tragedy. Essay 22 in Essays: Moral, Political, and Literary, Vol.1, Ed.: by T.H. Green and T.H. Grose, Scientia Verlag Aalen, 1964. – P.258-265; Hegel G.W.F. Werke in zwanzig Bänden. Ed.E. Moldenhauer and K.M. Michel. – Frankfurt: Suhrkamp, 1970; Hegel G.W.F. Hegel's Aesthetics: Lectures on Fine Art. Trans. T.M. Knox. – Oxford: Clarendon, 1975; Goldhill S. Reading Greek Tragedy. – Cambridge, 1986; Nietzsche Friedrich. Philosophy in the Tragic Age of the Greeks. Trans. with an introd. by M.Cowan. Washington, D.C.: Regnery Publishing, 1962; Der Streit um Nietzsches «Geburt der Tragödie»: Die Schriften von E.Rohde, R.Wagner, und U. von Wilamowitz-Möllendorff. Ed. Gründer K.Hildesheim: Georg Olms, 1969; Kaufmann W. Nietzsche: Philosopher, Psychologist, Antichrist. – Princeton: Princeton UP, 1974; Stanley C. The Claim of Reason: Wittgenstein, Skepticism, Morality and Tragedy. – New York: Oxford University Press, 1982; Фридрих Ницше. Сочинения в 2-х томах. (Составитель – К. А. Свасьян). – Москва: Издательство «Мысль», 1990. – Т.2; Sallis J. Nietzsche and the Space of Tragedy. – Chicago: University of Chicago Press, 1991; Feagin S. The Pleasures of Tragedy // Arguing about Art: Contemporary Philosophical Debates, ed. Alex Neill and Aaron Ridley. – New York, McGraw-Hill, 1995. – P.204-218; Roche Mark W. Tragedy and Comedy: A Systematic Study and a Critique of Hegel. – Albany: State University of New York Press, 1998.

2. Porter J.I. The Invention of Dionysus: An Essay on The Birth of Tragedy. – Stanford: Stanford University Press, 2000; Аристотель. Риторика. Поэтика. – М., 2000; De Beistegui M., Sparks S. Philosophy and Tragedy. Psychology Press, 2000; Ницше Ф. Рождение трагедии. Пер. с нем. А. Михайлова; сост., общ. ред., коммент. и вступ. ст. А. А. Россюса. – М.: Изд-во Ad Marginem, 2001; Nussbaum M. The Fragility of Goodness: Luck and Ethics in Greek Tragedy and Philosophy, Cambridge University Press, updated edition 2001; Friend S. The Pleasures of Documentary Tragedy. ASA Program, Miami, University of Michigan, 2002; Кухтенков А. П. Феномен трагического в философии культуры Георга Зиммеля и Карла Ясперса. – Курск, 2003; Криволапова Ю. К. Трагедийное начало

романтической мысли Ф. Ницше (статья) // Философия. Наука. Культура. Сборник статей слушателей, соискателей кафедры философии ИПК МГУ. – М.: Изд-во МГУ, 2005. – С.83-100; Roche Mark W. The Greatness and Limits of Hegel's Theory of Tragedy // A Companion to Tragedy. Ed. Rebecca Bushnell. – Oxford: Blackwell, 2005. – P.51-67; De Lubac H. The Drama of Atheist Humanism. – San Francisco: Ignatius Press, 2008; Nietzsche F. The Birth of Tragedy (Trans. Douglas Smith), Oxford University Press, 2008.

3. Roche M.W. Introduction to Hegel's Theory of Tragedy // www.phaenex.uwindsor.ca/ojs/leddy. – P.11-20.

References

1. Kitto D.F. Greek Tragedy. – London, 1961 [repr. 1981]; Paolucci Anne and Henry. Hegel on Tragedy. – New York: Doubleday, 1962; Hume D. Of Tragedy. Essay 22 in Essays: Moral, Political, and Literary, Vol.1, Ed.: by T.H. Green and T.H. Grose, Scientia Verlag Aalen, 1964. – P.258-265; Hegel G.W.F. Werke in zwanzig Bänden. Ed.E. Moldenhauer and K.M. Michel. – Frankfurt: Suhrkamp, 1970; Hegel G.W.F. Hegel's Aesthetics: Lectures on Fine Art. Trans. T.M. Knox. – Oxford: Clarendon, 1975; Goldhill S. Reading Greek Tragedy. – Cambridge, 1986; Nietzsche Friedrich. Philosophy in the Tragic Age of the Greeks. Trans. with an introd. by M.Cowan. Washington, D.C.: Regnery Publishing, 1962; Der Streit um Nietzsches «Geburt der Tragödie»: Die Schriften von E.Rohde, R.Wagner, und U. von Wilamowitz-Möllendorff. Ed. Gründer K.Hildesheim: Georg Olms, 1969; Kaufmann W. Nietzsche: Philosopher, Psychologist, Antichrist. – Princeton: Princeton UP, 1974; Stanley C. The Claim of Reason: Wittgenstein, Skepticism, Morality and Tragedy. – New York: Oxford University Press, 1982; Fridrih Nicshe. Sochinenija v 2-h tomah. (Sostavitel' – K.A. Svas'jan). – Moskva: Izdatel'stvo «Mysl'», 1990. – T.2; Sallis J. Nietzsche and the Space of Tragedy. – Chicago: University of Chicago Press, 1991; Feagin S. The Pleasures of Tragedy // Arguing about Art: Contemporary Philosophical Debates, ed. Alex Neill and Aaron Ridley. – New York, McGraw-Hill, 1995. – P.204-218; Roche Mark W. Tragedy and Comedy: A Systematic Study and a Critique of Hegel. – Albany: State University of New York Press, 1998.

2. Porter J.I. The Invention of Dionysus: An Essay on The Birth of Tragedy. – Stanford: Stanford University Press, 2000; Аристотель. Риторика. Поэтика. – М., 2000; De Beistegui M., Sparks S. Philosophy and Tragedy. Psychology Press, 2000; Nicshe F. Rozhdenie tragedii. Per. s nem. A.Mihajlova; sost., obshh. red., komment. i vstup. st. A.A. Rossiusa. – M.: Izd-vo Ad Marginem, 2001; Nussbaum M. The Fragility of Goodness: Luck and Ethics in Greek Tragedy and Philosophy, Cambridge University Press, updated edition 2001; Friend S. The Pleasures of Documentary Tragedy. ASA Program, Miami, University of Michigan, 2002; Kuhtenkov A.P. Fenomen tragicheskogo v filosofii kul'tury Georga Zimmelja i Karla Jasnepa. – Kursk, 2003; Krivolapova Ju.K. Tragedijnoe nachalo romanticheskoy mysli F. Nicshe (stat'ja) // Filosofija. Nauka. Kul'tura. Sbornik statej slushatelej, soiskatelej kafedry filosofii IPPK MGU. – M.: Izd-vo MGU, 2005. – С.83-100; Roche Mark W. The Greatness and Limits of Hegel's Theory of Tragedy // A Companion to Tragedy. Ed. Rebecca Bushnell. – Oxford: Blackwell, 2005. – P.51-67; De Lubac H. The Drama of Atheist Humanism. – San Francisco: Ignatius Press, 2008; Nietzsche F. The Birth of Tragedy (Trans. Douglas Smith), Oxford University Press, 2008.

3. Roche M.W. Introduction to Hegel's Theory of Tragedy // www.phaenex.uwindsor.ca/ojs/leddy. – P.11-20.

Mammadov J.O., PhD student, Institute of Philosophy and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan (Azerbaijan, Baku), ja1az@yahoo.com

About theory of tragedy in Hegel's point view

In the article, it has researched the theory of tragedy of German philosopher Hegel, which the problem is keeping its relevance in philosophy now also. In the research work it is researched the philosopher's lectures and number of philosophical works on the tragedy, and it is presented the aesthetics of tragedy in the ancient world, the nature, purpose and behavior of tragic hero, the style of drama and its impact on the human mind, comparative thoughts on tragedy and etc. questions.

Keywords: Hegel, tragedy, Ancient Greek, philosophy, drama, aesthetic.

Мамедов Д. О., аспирант, Институт Філософії і Права Національної Академії Наук Азербайджану (Азербайджан, Баку), ja1az@yahoo.com

Про теорію трагедійності в поглядах Гегеля

Грунтуючись на погляди німецького філософа Гегеля, досліджена одна з актуальних проблем філософії – теорія трагедійності. Посилаючись на лекції відомого вченого, а також філософські дослідження, з'являються естетика трагедійності, природа, цілі та поведінка трагічного героя, жанр драми, вплив його на людський розум, драма примирення і ін. питання.

Ключові слова: Гегель, трагедія, грецький світ, філософія, драма, естетика.

* * *

УДК 165.74

Матвієнко І. С.
кандидат філософських наук, асистент кафедри філософії, Національний університет біоресурсів і природокористування України (Україна, Київ),
malushka20@ukr.net

«ЗДОРОВЕ СУСПІЛЬСТВО» ТА МІСЦЕ ЛЮДИНИ В НЬОМУ (Е. ФРОММ)

Е. Фромм є відомим та знаним дослідником психології та філософії людини та суспільства загалом, і на протязі багатьох років його думка є авторитетною і як психолога, і як філософа, і як політичного діяча. Він стверджує, що за останній час західний світ створив більше матеріальних благ ніж будь-хто до нього, і разом з тим це суспільство змогло знищити мільйони людей у страшних війнах, і нажалі ця ситуація не припиняється і до тепер. Саме тому, думка Еріха Фромма та шляхи виходу з психологічної та душевної кризи, які запропоновані ним є надзвичайно актуальними на сьогоднішній час. Головною метою статті є окреслити основні ознаки здорового суспільства, показати місце людини в ньому та визначитися з поняттям «патологія нормальності». Фромм вважав, що кризу сучасного світу може перебороти тільки «здорове суспільство», яке має бути побудоване на цінностях гуманізму, встановленні гармонії між індивідом та природою, особистістю та суспільством.

Ключові слова: людина, суспільство, розум, розсудок, здорове суспільство.

XXI ст. – це століття нормальних, здорових особистостей, і так вважає більшість людей на планеті Земля. І якщо нам зустрічаються люди, які мають психологічні відхилення, то радше вважаємо їх виключенням з правил, і дивуємося як таке можливо. Але більшість психічно хворих вважають як раз так само, що всі інші хворі, вони абсолютно здорові. Так в чому ж суть здорового суспільства? Та чи можна говорити про здорове суспільство, якщо не всі його члени є здоровим и? І чи не обмаємо ми себе коли говоримо про нормальне здорове суспільство? Е. Фромм є відомим та знаним дослідником психології та філософії людини та суспільства загалом, і на протязі багатьох років його думка є авторитетною і як психолога, і як філософа, і як політичного діяча. Він стверджує, що за останній час західний світ створив більше матеріальних благ ніж будь-хто до нього, і разом з тим це суспільство змогло знищити мільйони людей у страшних війнах, і нажалі ця ситуація не припиняється і до тепер. Саме тому, думка Еріха Фромма та шляхи виходу з психологічної та душевної кризи, які запропоновані ним є надзвичайно актуальними на сьогоднішній час. Війни 1870, 1914, 1939, 1979, 1994... ні чого нас не навчили і сьогодні показує, що ми не вчимося на свої помилках. Фромм пише у своїй роботі «Здорове суспільство»: «Кожен хто приймав участь у цих війнах твердо вірив в те, що він бореться захищаючи свою честь. На своїх противників дивилися як на жорстоких, позбавлених здорового глузду ворогів роду людського, яких треба розгромити, щоб спасти світ від зла. Але проходить буквально декілька років після закінчення взаємного знищення, і вчорашні вороги стають друзями, а недавні друзі – ворогами, і ми знову з усією серйозністю приймаємося розмальовувати їх відповідно білому та чорною фарбами» [2, с. 6].

Проблема здорового суспільства масштабно постає в працях З. Фройда та Е. Фромма, також ми можемо говорити про таких представників неопройдизму, як К. Хорні, К. Юнг, С. Саллівен, Е. Еріксон. Розгляд цієї

проблеми ми знаходимо у К. Маркса, якого цікавило не психічний бік, а соціальний. Не можна не сказати, і про критику Е. Фромма, якого особливо цікавила проблема «суспільства» – Г. К. Уеллса. Багато вітчизняних та зарубіжних науковців у своїх дослідженнях широко використовують ідеї «здорового суспільства» Еріха Фромма (І. Єгорова, Е. Ласло, А. Титаренко, М. Сміт, К. Шварцман та інші).

Головною метою статті є окреслити основні ознаки здорового суспільства, показати місце людини в ньому та визначитися з поняттям «патологія нормальності».

З великою трогою та надією людини дивляться на правлячу еліту, гадаючи, що саме їм під силу зберегти світ від війни, але забуваючи при цьому, що саме через «головних осіб» у державі і відбуваються ті, чи інші конфлікти між країнами та народами, адже хтось не може поступитися своїми амбіціями, забуваючи про те, що від їхнього рішення або указу залежить життя сотень людей, інколи це відбувається не через злі наміри, а через те, що вони неправильно та нерозважливо виконують свої обов'язки. Але провина за «не здоровість» суспільства лежить не тільки на правлячій еліті, але і на кожному з нас, замість того, щоб присвячувати свій час саморозвитку, читанню класичної літератури, походам в театр та іншому розвитку, ми дивимося телевизор з постійною рекламою, та не дуже якісними передачами і жорстокими, в своїй більшості, фільмами.

Більшість науковців, психологів та психоаналітиків не хочуть визнавати факт про те, що може бути нездорове все суспільство, вони вважають, пише Е. Фромм, що «проблема душевного здоров'я суспільства, складаються лише з кількості «непритосованості» індивідів, а не в можливій «не налагодженості» самого суспільства» [2, с. 9], саме остатнє питання «суспільної нормальності» та «соціальної патології» західного світу цікавить відомого неопройдиста найбільше. Цілю всього соціально економічного розвитку західного світу є матеріальне забезпечення всіх громадян, стабільна демократія, рівне розподілення всіх благ та головне мир, але саме тоді, коли досягаються всі ці пріоритети, починаються поширюватися симптоми психологічного дисбалансу серед членів суспільства.

Говорячи про те, що суспільство є не здоровим психічно, означає суперечити соціальному релятивізму, думку якого поділяють більшість науковців нашого часу. Фромм визначає це поняття так: «Релятивізм (лат. *relativus* – відносний) – методологічний принцип, який включає в себе метефізичну абсолютизацію відносності і умовності знань, які приводять до заперечення можливостей пізнання об'єктивної істини. Соціальний релятивізм – релятивістський підхід до рішення соціологічних проблем, тобто визнання відносного і умовного характеру соціологічних знань, який виключає об'єктивний та всезагальний критерій їх оцінки» [2, с. 486]. Ці науковці вважають, що суспільство нормальне оскільки воно функціонує, а патологія виникає коли індивід не може пристосувати своє існування до загального існування суспільства. Але якщо ми говоримо про нормальне здорове суспільство, то ця позиція відмінна від позиції соціального релятивізму, і тобі ми можемо говорити про «нормативний гуманізм», на основі якого ми можемо говорити про загальноприйняті критерії духовного здоров'я, які можна примінити до всього роду людсько-